Б12 02/329

Д. 5163 а
26 нояб. 1914 г.

Проф. И. А. ЛИННИЧЕНКО.

ПСИХОЛОГІЯ БОРЬБЫ

ОДЕССА 1914.

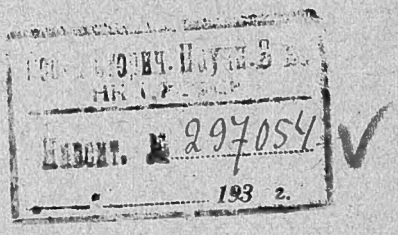
Проф. И. А. ЛИННИЧЕНКО.

Б 1202
329

ПСИХОЛОГІЯ БОРЬБЫ

ОДЕССА 1914.

БИБЛІОТЕКА



ОДЕССА.
Типографія „Техникъ“— Екатерининская, № 58.
1914.

Въ одной миніатюрѣ Мопассана разсказчикъ-старикъ признается въ своемъ поклоненіи личной физической силѣ—сильный товарищъ въ школѣ принялъ его подъ свою защиту и защищалъ отъ оскорбленій школьниковъ, наивно-безпощадныхъ и жестокихъ въ шуткахъ надъ слабыми коллегами, не способными силой, ловкостью, или смышленностью дать отпоръ насильнику—нахалу. Въ деревнѣ онъ присутствовалъ при единоборствѣ двухъ сыновей-мальчиковъ и двухъ отцовъ, изъ которыхъ послѣдній, настоящая brute по силѣ и жестокости, терроризировалъ все мѣстное населеніе. Побѣда осталась за менѣе сильными, но болѣе ловкими и энергичными, кузнецомъ, и его сыномъ, а потерявшій престижъ нахалъ вмѣстѣ со своимъ сыномъ, такой же будущей brute, оставилъ навсегда селеніе.

Въ одномъ стихотвореніи итальянской королевы Елены описывается слѣдующая сцена: на дворѣ играютъ дѣти; вдругъ что-то ихъ поссорило, и между ними разыгралась свалка. Дрались всѣ, кромѣ одного, стоявшаго въ сторонѣ. Сцену эту наблюдаютъ изъ окна принцъ и принцесса. „Отчего этотъ одинъ не принимаетъ участія въ схваткѣ“, спрашиваетъ принцесса. „Оттого, что онъ са-

мый сильный". Мораль—будемъ сильны, и насъ никто не тронетъ.

Mens sana in corpore sano, учили наши предки.

Всѣ эти труизмы ограничиваются другими труизмами. Здоровый духъ только тогда будетъ жить въ здоровомъ тѣлѣ, когда это тѣло дѣйствительно здоровое, т. е. гармонически развитое, когда то, что мы называемъ психикой, развивается равномѣрно съ мускулами. Бычье здоровье, атлетическое сложеніе, колоссальные мускулы, образцовые желудокъ и сердце—идеальное Corpus sanum, далеко не всегда содержитъ въ себѣ и mens sana. Умственныя способности большинства профессіональныхъ атлетовъ по большей части средняго уровня. И среди непрофессіональныхъ атлетовъ нерѣдко въ оболочкѣ слоновой живетъ душа зайца.

Вездѣ и всегда, и въ эпоху борьбы одной грубой физической силой, голыми руками, ногами, зубами, и теперь, когда и въ обыденной жизни, и на полѣ сраженія, въ борьбѣ менѣе всего участвуютъ мускулы, побѣда была и будетъ не на сторонѣ мощи физической, а на сторонѣ того изумительнаго внутренняго аппарата, который отдаетъ приказанія и распоряжается физическими орудіями, и еще болѣе: въ борьбѣ двухъ организмовъ, какіе бы они ни были—отдѣльныя лица, общества, государства, при совершенно равныхъ условіяхъ командующихъ аппаратовъ и исполнительныхъ органовъ, побѣда принадлежитъ *настроенію*, духу, та-

инственному подъему всей жизненной энергіи, утраивающему мощь до конечнаго его предѣла, вызывающему изъ сферы безсознательной такія силы существованія которыхъ не подозрѣваетъ самъ организмъ.

Въ современной теоріи военнаго искусства успѣхъ категорически предсказывается преобладанію числа, дисциплинѣ, превосходству оружія и тщательному, по всѣмъ правиламъ военныхъ наукъ, выработанному плану кампаніи.

Намъ понятно, почему въ прежнихъ рукопашныхъ схваткахъ грудь грудью, энергія, духъ, побѣждали силу, число. Натискъ, стремительность, быстрота, изворотливость, т. ск. разбиваютъ грубую, неповоротливую силу на отдѣльныя усилія, не даютъ ей возможности проявить разомъ всей своей сокрушающей мощи, и, когда она окончательно замотается и выдохнется въ растерянныхъ безцѣльныхъ проявленіяхъ, поканчиваютъ съ нею послѣднимъ напоромъ.

Дисциплина, конечно, сила большая; она обезпечиваетъ быстрое, стройное и отчетливое исполненіе приказовъ распорядительнаго органа. Но значенія ея не слѣдуетъ преувеличивать; повиновеніе можетъ быть за страхъ, повиновеніе можетъ быть и за совѣсть. Въ первомъ случаѣ часто случается, что исполняющій станетъ между двухъ огней, двухъ опасностей, двухъ императивныхъ требованій, двухъ смертей. И опасность наиболѣе непосредственная, смерть передъ глазами, окажется

сильнѣе опасности болѣе отдаленной, наказанія за неисполненіе приказа. Естественное чувство самозащиты станетъ сильнѣе привычки подчиняться quand même. Дисциплина только тогда настоящая сила, когда она вытекаетъ изъ вѣры въ значеніе исполняемаго и увѣренности въ цѣлесообразность приказа для исполненія дѣйствія, необходимаго для высокой цѣли. Но и при исполненіи приказа наступаютъ моменты, когда каждый отдѣльный индивидуумъ долженъ дѣйствовать на свой страхъ, своимъ разумѣніемъ, своей волей, сообразительностью. И въ такихъ сознательныхъ дѣйствіяхъ главнымъ факторомъ является личная воля, *настроеніе*, духъ. Люди вѣдь не механическія орудія, дѣйствующія всегда одинаково, съ заранѣе навсегда опредѣленной и учтенной энергіей. Сила духа—сила живая и эластичная, имѣющая, въ силу разнообразныхъ внутреннихъ условій, разную степень напряженій. Орудія борьбы, конечно, безконечно разнятся по качеству. Но вѣдь ими заправляетъ человѣкъ, слѣдовательно, его воля, его настроеніе даннаго момента. И орудія направляются не на неподвижную мертвую мишень, а на живую движущуюся и соображающую силу, движенія и намѣренія который не легко угадать. Тоже самое нужно сказать и о планѣ кампаніи; въ немъ можно учесть все, кромѣ живой силы противника—его намѣреній, его контрплана, и самое главное — его *настроенія*.

Это настроеніе имѣетъ характеръ стихійный; оно передается отъ человѣка къ человѣку какъ

повѣтріе, зараза, охватываетъ массы, разумѣется, въ томъ только случаѣ, когда для него существуетъ подготовленная для его воспріятія и произростанія почва,

Но въ настроеніи самое важное его источникъ. Нападающій можетъ быть очень бодръ, храбръ, самоувѣренъ; но, помимо извѣстнаго тайнаго чувства неправоты, доступнаго только особямъ со сколько-нибудь развитымъ чувствомъ совѣстливости, матеріальная цѣль нападенія (нажива, въ формѣ-ли грубой—первобытнаго грабежа, или утонченной—государственныхъ интересовъ, политическаго равновѣсія, экономическаго господства страны) заставляетъ нападающаго беречь прежде всего себя, свою жизнь, для благополучія которой и предпринято нападеніе. Защита всегда интенсивнѣе нападенія, она поднимается до настоящаго геройства, самопожертвованія, если цѣль защиты идеальная—не одно усиліе спасти отъ гибели свою особь, но защита семьи, родныхъ, народа, государства, идеи...

Рѣшающее значеніе настроенія мы видимъ въ геройской борьбѣ маленькой Сербіи съ Австріей. видимъ и въ нашей безпримѣрной борьбѣ на два фронта съ двумя сильными и лучше насъ съ военной точки организованными врагами.

Въ старой русской былинѣ богатыри, упоенные постоянными побѣдами, расхвастались, разбахвалились—нѣтъ имъ равныхъ по силѣ, не съ кѣмъ имъ потѣшиться борьбой-удалью, испытать чувство

наслажденія отъ трудно доставшейся побѣды, нужна имъ сила нездѣшняя. И вотъ на ихъ магическій зовъ выходитъ къ нимъ „на поле“ воинъ. Налетаетъ на него богатырь, разсѣкаетъ однимъ ударомъ пополамъ, и, глядь, на мѣстѣ одного, стоятъ двое. Разсѣкаетъ двоихъ, стоятъ четверо. Бросаются въ бой всѣ богатыри, бьютъ, рубятъ, колютъ, топчутъ копытами коней, а сила все растетъ и растетъ, и на богатырей войною идетъ, идетъ, и конца ей нѣтъ. И смутились богатыри, упалъ ихъ духъ, повернули они коней и бросились въ бѣгство, добѣжали до каменной горы, и тутъ окаменѣли. Такъ перевелись наши старые богатыри. Они забыли свое назначеніе — защищать землю отъ идолища поганаго, дикаго врага-кочевника, грабившаго безпощадно и убивавшаго мирнаго смерда-селянина. Ихъ погубило тщеславіе, гордость, самоувѣренность; ихъ задачей въ борьбѣ стало безцѣльное удальство, потѣха брани, а не великое общественное дѣло— защита слабыхъ отъ обидъ сильныхъ.

И такъ будетъ всегда въ борьбѣ нападающихъ-насильниковъ на народъ, защищающій все свое дорогое, родное. На мѣсто павшаго защитника становятся двое, такіе же храбрые, самоотверженные, готовые положить свою жизнь за идею. И это упорство защиты можетъ сломить только колоссальное преобладаніе силы нападающей, способной до послѣдняго истребить всѣхъ защитниковъ.

Наши предки пали въ борьбѣ съ силой нездѣшней—новымъ, невиданнымъ и неслыханнымъ,

врагомъ, тучей кочевническихъ ордъ, не потому только, что были подавлены ихъ числомъ, незнакомы съ ихъ пріемами борьбы, а потому, что старую Русь разъѣдала ржавчина—старая рознь племенъ, перешедшая во взаимную вражду княжествъ, никакъ не умѣвшихъ и не хотѣвшихъ подѣлить между собою угодья русской земли, и самоувѣренность, бахвальство легкими побѣдами другъ надъ другомъ и надъ знакомыми, давно ослабленными, врагами-инородцами. Возродилась Русь послѣ тяжелыхъ уроковъ прошлаго, окрѣпла сама и помогла возстать болѣе мелкимъ и слабымъ родственнымъ племенамъ. Идея славянской взаимности, дружной коалиціи племенъ славянскихъ, безконечно обязанныхъ Руси, идея, реальное значеніе которой доказала русско-турецкая война, сильно подняла престижъ нашего могущества въ глазахъ Европы; панславизмъ готовъ былъ превратиться въ фактъ, и вотъ на нашихъ глазахъ эта идея потерпѣла если не полное крушеніе, то во всякомъ случаѣ въ значительной степени потеряла свой грозный характеръ въ глазахъ Запада. Не подѣлившіе между собой угодій Болгары и Сербы стали избивать другъ друга безпощадно, и эта безславная свалка, матеріально истощившая тѣхъ, кто послѣ многовѣкового перерыва соединились было для одного общаго дѣла, имѣла и для насъ чреватое послѣдствіями значеніе.

Престижъ нашей мощи, усиленной союзомъ, согласіемъ, самостоятельныхъ славянскихъ госу-

дарствъ и симпатіями славянъ еще подчиненныхъ чужимъ режимамъ, жупелъ панславизма, сильно поколебала болгаро-сербская распря. Стало ясно, что вѣковое разногласіе славянъ, вѣчно питаемое воздѣйствіями извнѣ, продолжаетъ жить, несмотря на безчисленные тяжелые уроки. Наивными идеалистами, вѣрившими въ дружбу, родство, чувство благодарности, остались только мы одни. И въ числѣ причинъ, или скорѣе поводовъ, вызвавшихъ такое внезапное грубое нападеніа на насъ самоувѣреннаго врага, болгаро-сербской войнѣ конечно принадлежитъ не малое мѣсто. Нападеніе Австріи врасполохъ на Сербію произошло конечно при условіи увѣренности въ нейтралитетъ, или даже помощь, Болгарія для сокрушенія роднаго Болгарамъ народа. Безсмысленное ренегатство и коварная измѣна славянской идеѣ одного изъ славянскихъ народовъ останется на всегда пятномъ несмываемымъ на немъ, и въ будущемъ этотъ народъ пожнетъ плоды своего предательства — онъ останется навсегда одинокимъ и быть можетъ опять потеряетъ то, чего достигъ нашей помощью — государственную самостоятельность. Упорно открещивающаяся отъ своего исконнаго Славянства православная Румынія стоитъ на готовѣ съ букетомъ побѣдителю въ одной рукѣ и съ carte de condoléance въ перевитой траурнымъ флеромъ другой.

Болгары утверждаютъ, что руссо и славянофобія живутъ только въ нѣмецкихъ правительственсферахъ Болгаріи. Мы были бы очень рады прав-

дивости такого завѣренія. Болгарамъ нужно твердо помнить, что легко потерять довѣріе, но трудно его возстановить.

И въ настоящей борьбѣ a outrance мы должны надѣяться только на самихъ себя, нашу силу, наше согласіе, наше настроеніе.

Въ общежитіи прежде, и теперь, склонны причины многихъ войнъ объяснять исключительно честолюбивыми замыслами отдѣльныхъ лицъ, успѣхи военныхъ дѣйствій приписывать таланту, геніальности, полководцевъ. Но война какъ народное дѣйство, предполагаетъ tacitum consensum народа, и въ основѣ ея всегда лежатъ сложныя экономическія, матеріальныя, причины, даже тамъ, гдѣ, какъ у азіатовъ, одно лицо, имѣющее деспотическую власть, повидимому, двигаетъ массами по своему усмотрѣнію. И въ основѣ нынѣшняго безпримѣрнаго въ исторіи столкновенія народовъ, лежитъ не честолюбіе какого-нибудь Вильгельма, съ его браннолюбивыми дѣтьми, даже не жажда реванша во Франціи; это и не борьба славянства съ германизмомъ. Ни Франціи, ни Англіи не пришло бы въ голову защищать славянскую идею противъ германизма. Борьба идетъ между англійскимъ купцомъ и нѣмецкимъ торгашемъ, британскимъ товаромъ и германскимъ; это борьба рынковъ, а не идей, островитянская система на мѣсто предложенной Наполеономъ системы континентальной.

Убѣжденіе въ исключительномъ значеніи от-

дѣльныхъ личностей остатокъ старой наивной вѣры въ героевъ-полубоговъ, имѣющей въ послѣднее время едва ли не послѣдняго адепта въ лицѣ историка Фримана. Нужны вѣковыя традиціи, чтобы въ палкѣ капрала видѣть кривулю литовскаго верховнаго жреца Криве-Кривейто, *символъ* власти, унаслѣдованнаго вѣками чувства подчиненія. Не отдѣльное лицо командуетъ массами, а тотъ символъ, который представляетъ это лицо, а самъ символъ имѣетъ длинную исторію и органически вживается въ массы. Недостаточно дать распоряженіе; самое важное — его исполненіе, и именно *качество* исполненія. Никакіе Наполеоны, командуя калѣками и трусами, не въ состояніи выполнить самыхъ геніальныхъ плановъ кампаніи. Недостаточно быть геніальнымъ шахматистомъ, чтобы стать геніальнымъ полководцемъ. Люди не пѣшки, поле сраженія не шахматная доска. И полководецъ, и солдаты, должны знать больше, чѣмъ ходы ладьи и слона; и тѣ и другіе должны быть прежде всего исполнены настроенія, сосредоточенія всѣхъ жизненныхъ силъ для достиженія цѣли. Этотъ подъемъ всей жизненной энергіи дѣлаетъ рядовыя особи талантами, а талантовъ геніальными.

Наблюдая борьбу цирковыхъ атлетовъ-профессіоналовъ, вы замѣчаете, что между признанными чемпіонами нѣтъ колоссальной разницы въ силѣ—разница въ силѣ работы мускульной выражается дробью, а не единицами. Преимущество относительнаго развитія одного мускула компенси-

руется соотвѣтственнымъ бо́льшимъ развитіемъ другого. Пріемы борьбы, всѣ ея трюки, знакомы одинаково каждому. Вѣсъ одного возмѣщается изворотливостью, ловкостью, другого. И поэтому въ борьбѣ чемпіоновъ побѣда принадлежитъ сердцу, его выносливости, и легкимъ, дыханью.

То же происходитъ и на аренѣ войны. Орудія борьбы у всѣхъ воюющихъ приблизительно одного типа,—недостатки однѣхъ частей войскъ компенсируются лучшими боевыми качествами другихъ. Относительное преобладаніе числа возмѣщается болѣе удачно выбранной позиціей, стремительностью натиска, удачной тактикой. И такимъ образомъ въ концѣ концовъ все же окончательная побѣда принадлежитъ и здѣсь *сердцу*, воодушевленію, энергіи, а, слѣдовательно, тому внутренному агенту, который вызываетъ къ жизни и исключительной интенсивности эту энергію—идеѣ.

И все же вѣруя твердо въ побѣду идеи надъ силой, мы не можемъ безъ безпредѣльной тоски и тяжкаго страданія наблюдать перипетіи безпримѣрнаго въ мірѣ кровопролитія. Гибнутъ сотни тысячъ живыхъ, мыслящихъ, чувствующихъ, существованій, гибнутъ матеріальные результаты многовѣковой культуры, гибнутъ великія идеи, моральныя и умственныя наслѣдія поколѣній. Двоевѣріе съ его языческимъ богомъ и теперь, послѣ двухъ тысячъ лѣтъ христіанской проповѣди, сильнѣе христіанства съ его великимъ завѣтомъ „не убій“. Въ нѣмецкомъ *культуртрегерѣ* (какой жалкой насмѣшкой

кажется теперь эта претенціозная кличка!), одѣтомъ въ визитку или смокингъ, воскресъ лѣсной дикарь, старый тевтонецъ въ звѣриной шкурѣ, съ звѣринымъ сердцемъ, видѣвшій человѣка только въ своемъ содружинникѣ, алчный, жадный и безчеловѣчно жестокій. Его воспаленные глаза видятъ одно чужое золото, и его огненный жаръ сжегъ въ его душѣ и великія идеи христіанства, и высокія идеи человѣческой культуры.

Позволю себѣ закончить заключительными словами моей публичной лекціи 31 августа.

Тридцать лѣтъ тому назадъ я поставилъ эпиграфомъ одного изъ моихъ изслѣдованій слова знаменитаго французскаго ученаго Е. Ренана:

Une nation est une grande solidarité, constituée par le sentiment des sacrifices qu'on a fait, et de ceux qu'on est disposé à faire encore. Elle suppose un passé, elle se résume pourtant dans le present par un fait tangible, le consentement, le désir clairement exprimé de continuer la vie commune.

Я не знаю лучшаго психологическаго объясненія понятія націи. Какъ людей разнаго происхожденія, состоянія, возраста, объединяетъ и сближаетъ таинственная духовная связь—Wahlverwandshaft, такъ и народы соединяются въ одну націю всей суммой общихъ интересовъ—матеріальныхъ, культурныхъ, духовныхъ. И современныя критическія событія явно показали намъ, какихъ успѣховъ въ нашемъ необъятномъ государствѣ достигла идея націи. Въ тяжелыя грозныя минуты всѣ, безъ раз-

личія происхожденія, вѣры, политическаго credo, соединились вмѣстѣ для одного великаго общаго дѣла. Забыты старые счеты, вѣковѣчные раздоры, острая вражда: всѣхъ и все объединяетъ одно общее чувство, одно общее сознаніе единства и ненарушимой связи, и о старыхъ противникахъ, тѣхъ, кто, по своему разумѣнію, честно боролся за свою истину, такой же честный противникъ можетъ сказать словами Герцена: „да, мы были противниками, но очень странными. У насъ была одна любовь, но не одинаковая, и мы, какъ Янусъ, или какъ двуглавый орелъ, смотрѣли въ разныя стороны, въ то время, какъ сердце билось одно".

Всѣ мы люди, полные несовершенствъ; у каждаго своя физіономія, своя вѣра, свои убѣжденія, своя истина. И если даже, когда пройдетъ гроза, сплотившая все и всѣхъ въ одномъ чувствѣ, одной надеждѣ, одномъ желаніи, одномъ страданіи, мы опять разойдемся въ рѣшеніи вопроса, какъ лучше устроить нашу жизнь, эти минуты общности, это родство душъ, соединившихся для одной цѣли, не забудутся до гроба и внесутъ чувство человѣчности и терпимости въ борьбѣ за вѣчные идеалы, для однихъ близкіе и доступные, для другихъ еще безконечно далекіе, но для всѣхъ одинаково блестящіе, блестящіе свѣтомъ той надежды на счастье, хотя бы и чужое, счастье будущихъ поколѣній, надежды, безъ которой не стоитъ и нельзя жить разумному существу, имя которому—человѣкъ.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № .....
„.....“ ..... 193 г.

Дозволено военной цензурой.

Типографія „ТЕХНИКЪ“,
Одесса, Екатерининская, 58.